

СОП ИСТОРИИ

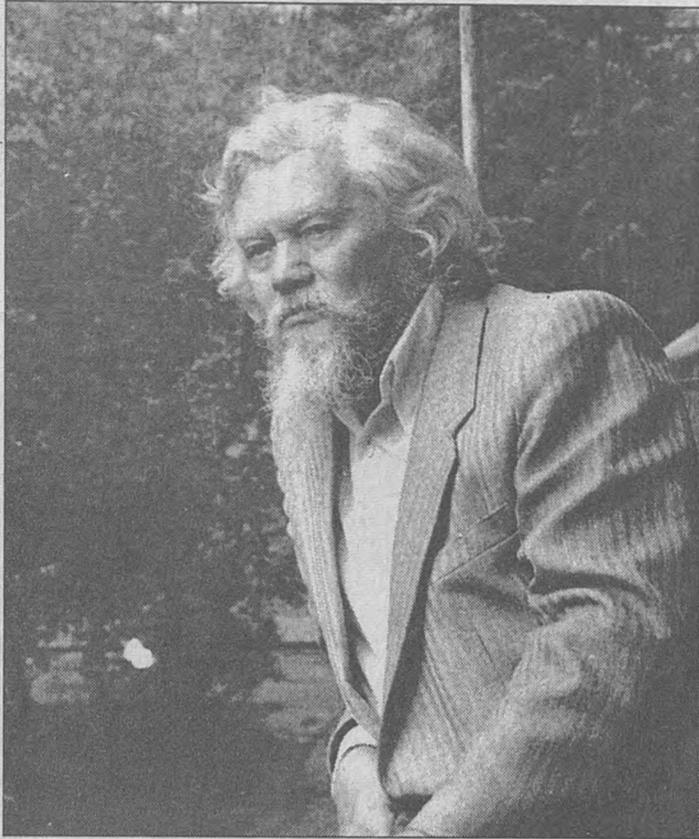
Альтернативная история глазами среднего российского литератора

Недавний материал. 1998, 7 мая, с. 15

Константин Михайлович Белов – писатель давний. Его первый роман «Соп в МИАЗМе» (опубликован в 1996 г., «МИАЗМ» – аббревиатура вымышленного учебного института) написан в семидесятые. Тогда он назывался – очень естественно для учено-математика – «Извлечение корней». Поиском корней того, что с нами происходит, Белов занимается и в исторических сочинениях: «Палач» (два издания: 1992–1993 гг., оба – 100-тысячным тиражом), «Ученики» (1996 г.), дописывается третья часть: «Уроки»...

Поиски заводят обычно автора в семейную жизнь исторических деятелей, первичнее которой, кажется, действительно нет ничего. Можно не соглашаться с результатами изысканий или с их методами. В сознании Белова творится своя история, возможно, более интересная, чем нам привычная. И у него очень спорный подход к проблеме права исторического романиста на вымысел.

Но благодаря то ли этой непривычной исторической концепции, то ли ее сомнительным методам, романист добивается редкого в нашей литературе эффекта. Для нас естественно, что Ленин или Сталин (называю вторую одиозную фигуру) ползулодеи, полуманьяки, пусть страдающие (это в лучшем случае). А «их» жертва Николай II – невинный добродетельный страдалец. (Когда-то все было наоборот.) Помнится, осмыслить Гитлера с точки зрения постороннего, но заинтересованного наблюдателя получилось у Л.Фейхтвангера, его современника, еврея и антифашиста (три причины для личной ненависти). Теперь стало получаться и у нас, у Константина Белова, с Ульяновым-Лениным, с одной стороны, и с предшествующими ему российскими самодержцами – с другой.

ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ, ДЕЛА МЕЩАНСКИЕ

ДАВНО меня заинтересовало, почему мы живем так плохо, если идеи подчас бывали очень хорошие. Хочешь разобраться – напиши книгу. В поисках темы я переходил от Герцена к народолюбцам, а задержался на семье Ульяновых.

Мне был симпатичен Илья Николаевич. Оказалось, что у нас много общего. Он тоже математик, как и я. Из крестьян. Я тоже родился в деревенской бане. Его отец самовольно приписался к мещанству. Так что я мог то отождествляться с Ильей Николаевичем Ульяновым, то сравнивать с ним своего отца, отправившегося в Горький учиться «на инженера». А это дало мне позднее основание почувствовать родство с Александром, старшим сыном.

бранном историческом времени – Александр III. Мне нравится его мужиковатость, даже перво-званная грубость. Рукоприкладствовал с женой, сыновья его боялись. И тем не менее обязательно проверял перед сном, как они улеглись.

Переезжает в знаменитую Гатчину. И первое, что делает, приказывает соорудить антресоли с навешенным потолком, чтоб в него можно было почти упираться головой. Императрица Дагмара его новое жильё называла пароходными каютами.

Потому что очень неуютно чувствовал себя в парадных роскошных залах. А потом и туда натаскил всякие подушечки да пуфики, которые любил. И мне как мещанину все это очень понятно.

В конце XIX, а потом XX веков все исторические свершения происходили внутри мещанства. С одной стороны – вымирающие аристократические роды, с другой – крестьянство, над которым экспериментировали мещане различных политических убеждений. А посередине боролись мещане.

Советская интеллигенция – и официоз, и оппозиция – наследники и продолжатели их традиций. Мы все – осколки того мещанства, рано обнаружившего собственную бесплодность.

А УЛЬЯНОВ – ЭТО Я

Писатель всегда пишет о себе. Это только кажется, что о Л. Толстом или Ленине. Вот и получаются они у всех разные.

Я очень много сижу в архивах. Но мне ведь надо наполнить факты и характеры персонажей кровью. А откуда мне ее взять? Я ее беру у себя. Мне нужно думать, что герой чем-то мне близок, любезен моему сердцу, чтобы я его понял. А иначе я его скорее всего обойду.

Поэтому у меня нет ни развенчаний, ни воспеваний. В героях есть и хорошее, и плохое, как во мне. Я это только должен обнаружить.

Беру, например, за основу дневника старшего из братьев Ульяновых свой собственный юношеский. Тула же включаю свои стихи того периода. Имею ли я на это право?

Мне кажется, что Александр по своему характеру должен был втайне вести дневник и писать стихи, а младший, Владимир, в ту пору довольно скверный мальчишка, над ним по этому поводу

насмешничал. Мне же нужно показать героя изнутри.

Конечно, свой дневник я существенно переделал. У меня – про Московский университет, а Саша учился в Петербургском, где я провел много времени в 61-м году на научной конференции.

А к одному стихотворению дописал строфу про директора гимназии Ф. Керенского. Есть в истории такие удивительные совпадения: директор гимназии, где учились Ульяковы, – отец будущего знаменитого министра-председателя.

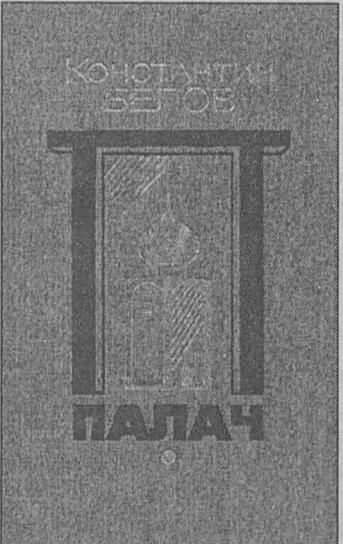
Или, например, изданы днев-

ники Николая II. Но никто же не может понять, почему там так много о погоде и любви к императрице, очень назойливо. А мне кажется, что я знаю. Это его официальный дневник, рассчитанный на позднейшее обнародование. Должен быть другой, «тайный дневничок». И тогда я его придумываю.

Все знают Николая II мягким, слабозлым, не слишком талантливым. Его называли между собой «наш маленький гусарский офицерик». Но мне его только таким обидно показывать.

Он и вправду чувствовал себя раскованнее в офицерской компании. Сядет на стол, болтает ножками, курит. Если отец очень много трудился, то на столе Николая бумаги скапливались. А в «тайном дневничке» раскрывает свою интересную и неоднозначную личность.

В его письмах к Алекс я чувствую такую же фальшь, как и в мифе о семейном счастье Ленина и Н.К. Крупской. Николай II всю жизнь любил балерину Кшесинскую. А Владимир Ильич – хористку Лену Зарицкую. Я считаю, что вправду использовать сомнительный источник, если он соответствует моим представлениям об истории. Если б его не было, мне пришлось бы его выдумать.

Безответная любовь была судьбой братьев Ульяновых. История сложных отношений Александра и Ревекки (Раисы) Шмидовой всем известна. По моей версии, эту же несчастьность в любви унаследовал младший Ильич.

С Надеждой Константиновной, не очень умной и вялой, он не был счастлив. Это он ей нравился бесконечно, потому что был по натуре лидер.

Точно так же семейная несчастьность наследовалась в царской фамилии.

К Александру III жена Дагмара «перешла» от брата Николая, за него она должна была выйти. Но он умер, и она, как и положено мещанке, быстро переориентировалась. Александр к ней впоследствии привязался (как Владимир Ульянов к Надежде), может быть, потому, что очень любил брата, большого умника.

Как Владимир Ильич если кого и любил в семье, то только сестру Ольгу, умершую юной у него на руках.

Судьбы двух этих семейств, противоборствующих в русской истории, для меня постоянно перекликаются и пересекаются.

Мой роман «Палач» и начинается со встречи Александра, еще цесаревича, с тезкой, будущим террористом. Маленький Саша был выдернут из-под колеса цесаревичевой коляски случившимся рядом Иваном Фроловым, будущим известным на всю Россию палачом. Нависающее колесо и раннее знакомство с палачом аукнутся в финале романа.

Известно, как трехлетний Саша, прогуливаясь с отцом и сестрой Анной, покотился по обрыву

к Волге и был подхвачен незнакомым проходящим мужиком. В это же время в Нижнем был проездом цесаревич. Почему бы им не оказаться рядом в одном месте? Вот я их и свел.

ВОЛЖСКИЙ ХАРАКТЕР

Как только я узнаю, что кто-то с Волги или хотя бы там немного пожил, сейчас же начинаю искать объединяющие их симпатичные стороны характера. Я не славянофил, тем более не социалист и, уж конечно, не монархист. Я мещанин. Мне нравится волжский вольный тип, целеустремленный и энергичный.

Волга ведь действительно колыбель, лучше не скажешь, очень многого на Руси. От Стеньки Разина до Н.М. Карамзина. (Кстати, он тоже – симбирский.)

В Нижний я специально приехал посмотреть еще раз с откоса, по которому катился Ильич. А в Нижнем бывал в здании гимназии (теперь пединститут), где преподавал и жил с семьей Илья Николаевич.

В их квартиру к чужим людям зайти я постеснялся. Зато посмотрел в окно одной из аудиторий. Маленький Саша у меня много смотрит в окна, хотелось представить, что он мог там увидеть.

Волжская земля для меня представляет богатство русской земли вообще. У нас же все что хочешь можно найти: если ты революционер, то горячий человеческий материал. А можешь и что-нибудь более позитивное.

Здесь живет тот народ, с которым мы, мещане, любим заигрывать в разных политических видах: будет ли это «православие, самодержавие и народность» или «единая по содержанию и многообразная по форме» культура – все равно.

Основу такого заигрывания я назвал лаптизмом: это уверенность в том, что ты выражаешь волю народа и тем самым делаешь историю. Есть революционный лаптизм, а есть монархический. Что такое ленинизм? Это марксизм + лаптизм (революционный).

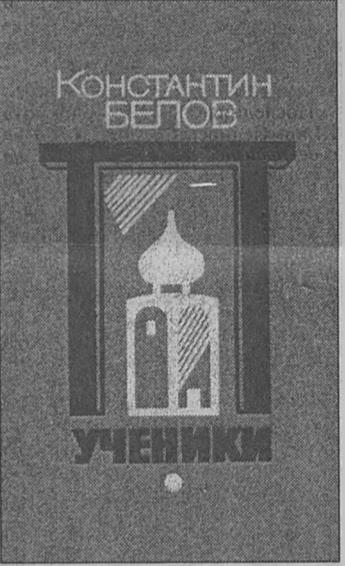
Россия – страна парадоксальная. Поэтому у меня Иван Фролов – и палач, и предприниматель: плетет на продажу лапти. (О реальном Фролове мало известно.) Я не имел в виду никакого символа, так получилось. Он случайно сделался палачом, это не соответствует его природе, как случайно оказались в революции братья Ульяковы или в императорах Александр III и Николай II. Тоже вопреки природе своей.

Так вот этот Фролов изобрел у меня невиданные безразмерные лапти из кожаных полос, которые можно регулировать: хочешь – для ребенка, хочешь – на взрослого мужика. И даже предподнес императору.

Николай сначала было опешил и убежал. Но в конце концов безразмерные лапти ему так понравились, что он и в кабинете сидит уже в этих лаптях, и армию собирает в них обувь. А в заграничное путешествие 1896 г. берет их с собой и предлагает другим европейским самодержцам. Но, кажется, все отказались.

Я не думаю, что в моей выдумке слишком большое преувеличение. Исторические ли мои романы или это мои фантазии на темы истории? Я стараюсь не противоречить документам и свидетельствам современников. Но когда мне их не хватает и я чувствую, что здесь должно быть что-то еще, чего мы не знаем, я позволяю себе становиться то поэтом, то сатириком.

Записано Олегом САНТАЛОВЫМ

Илья Николаевич был очень умный, благородный и страдающий человек. Над его семьей тяготел какой-то рок. «Дружные» Ульяковы – миф, который разделяют и их враги, и поклонники. Красноречивый факт: на похороны отца Александра не приглашают. Его революционные интересы для семьи обременительны. Он их оставил без поддержки в пору острых материальных трудностей. А все так привыкли к мысли о его научной карьере.

То же повторится с братом Владимиром. Мария Александровна Ульянова – рациональная, холодная, прямолинейная. Но и знаменитая «стойкость» Володи при известии о гибели брата скорее всего свидетельствует об отсутствии между ними подлинной привязанности.

И наконец, проклятие бездетности. На восемь детей, не считая рано умерших, – один внук. Откуда такой упадок рода? Это же надо понять.

В истории семейства Ульяновых запечатлена трагедия российского мещанства: его формирование и крушение. Это очень сложная и печальная тема, я ее могу здесь только наметить.

Обыкновенно большее значение придают иноземным корням Ильича: немцы, шведы... нежелезным мужиком. Но это же две равноправные линии. С запада, в основном через прибалтийских немцев, к нам шел один тип мещанина. Из народных гуш поднимался другой. И вот они встретились, в частности, в семье Ульяновых.

Оттого и любимые обидные прозвища в ленинских статьях – «мещанин», «мещанский», что он переживал собственное воспитание и пытался от него избавиться. Мещанское восприятие мира – недалековидное, как практически пригодного, уменьшающегося в масштабах.

Герцен говорил, что в мещанство снизу все тянется, а сверху все падает, «по невозможности удержаться».

Другой мой любимый герой, кроме Ильи Николаевича, в вы-